

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

М. ЧАРНЫЙ

Новый роман Артема Веселого

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ, Гуляй Волга. Роман, ГИХЛ., М.—Л., 1932 г., тир. 5 000, 227 стр., ц. 4 руб.

Роман «Гуляй Волга»—это книга о казачьей донской и волжской вольнице, о завоевании дружиной Ермака Сибири.

Мы не согласны с высказанным одним из критиков положением, что уход в историю есть злостное и коварное бегство писателя от современной действительности.

Уход в далекую историю может быть уходом от действительности, это верно, но гораздо чаще, и в этом весь смысл истории как науки и исторического жанра в литературе, историческое привлекается только как материал для настоящего, для современной действительности, для ее отрицания или утверждения. Грубейшей вульгаризацией является объявление вообще исторического жанра ненужным в советской литературе.

До марксизма мир не имел научной истории в подлинном смысле этого слова. Ограниченность буржуазного объективизма в лучшем случае позволяла накапливать огромные горы эмпирических фактов, но не могла дать подлинно объективной картины диалектического развития событий. Русская история в частности излагалась или как история князей и царей или как развитие некоей отвлеченной государственности в борьбе против внешнего врага.

Именно поэтому перед пролетариатом стоит грандиозная задача пересмотра гигантской массы исторических фактов для того, чтобы проследить основные закономерности истории и понять каждый отдельный эпизод с точки зрения этих закономерностей.

Исторический жанр в художественной литературе—не только законный у нас жанр. Можно сказать, что только в советской литературе он может получить свое настоящее значение.

Разумеется, не случайно Артем Веселый взял именно тот эпизод русской истории, который изложен в «Гуляй Волге». «Гуляй Волга» перекликается со «Страной родной», со многими страницами «России, кровью умытой» и другими произведениями Веселого. XVI век достаточно ощутительно связан с XX веком. Веселого—певца партизанско-крестьянской стихии, яркого и талантливого изобразителя стихийных взрывов первых лет нашей революции—естественно соблазнила возможность заглянуть в те исторические глубины, где шумела бурлацко-казацкая вольница, буйная и отважная, громившая татар, грабившая купцов, завоевавшая далекую страшную Сибирь, а потом приведшая к огромным крестьянским восстаниям Степана Разина и Пугачева.

Перед Артемом Веселым стояла серьезная задача прежде всего объективно исторического характера. В основе романа—подлинные исторические события, о которых нужно было узнать из серьезных источников, понять эти события, их социально-исторический смысл, освободить их от хлама казенной и буржуазной истории, изучить самый XVI век, его быт, стиль, язык.

Веселый проделал большую работу. Он читал летописи, копался в архивных документах, перевернул кучу всякого материала и в общем справился с задачей отлично. История предстает в романе конкретной, чувственно ощущаемой и осязаемой жизнью, богатой разнообразием красок, с густотой волжских, уральских и сибирских запахов, с своеобразием далекого века.

«Катилась денга из кулака в кулак, из сумы в суму и изо всех сум—в Москву, в государеву мошну...» «За бревенчатыми стенами жил и кормился от слез и крови рода христианского воевода с челядью. Жили. Воевода над всеми суд и правож чинил, попы за всех молились, а мужики на всех работали».

Во всей конкретности предстает перед нами общая социальная обстановка Руси XVI века, времен Ивана Грозного, о котором прежние историки сообщали только то, что он отвоевал Казань да еще рубил головы непокорным боярам. Грозный царь не обойден Веселым, но из тьмы исторических глубин появляются мужики, народ, их быт и страдания.

Несколько поколений буржуазных историков и писателей трудились над составлением и пропагандой исторической схемы, по которой все зло и страдания пришли с татарским игмом. Вся история сводилась к борьбе «государственности» со «степью», с дикими кочевниками (см. М. Покровский, «Русская история»).

У Артема «князья с ханами худо ли, хорошо ли, а поаякшались—на обе стороны гости с подарками хаживали. Простому же народу была тягость великая, томленье и кровопролитие многое».

Когда татары были отброшены, подмяты и обневолены, «распустив паруса, полетели купеческие да царевы орленые корабли к кавказским берегам и в Персию. Мужики жили, как и ранее, в великой скудости и убожестве. Батоги князя и вотчинника были не слаще плети татарской».

Старая история выявляется по-новому. История с точки зрения опромяных масс народа, а не царского дома или боярских родов, реальная история борьбы классов.

Артем Веселый показывает, как отчаявшиеся мужики и батраки бегут из-под батога воевод и бояр, от ужасов голода и царских палачей на юг, в дикие степи, где из беглых холопов создается вольное казачество. Бегут, потому что, как говорит бурлак Кафтаников, «на Руси житье мужику хуже медвежьего...».

Но основная тема «Гуляй Волги»—не мужики, а мужицкая партизанщина. Казаки—показ того, как казачество, зародившееся как вольное братство бунтовщиков, превращается в наемных стражников и разведчиков того же самого царя и купцов, которых оно грабило. Ватага казаков под атаманством Ермака выехала вверх по Волге, она ограбила встречные купеческие суда и зазимовала в устьях Камы. Выше на Каме, на ее притоках, в пермяцкой земле владычествуют купцы Строгановы, башковитые российские купцы, которые уже в давние времена оценили богатства уральских недр и, выпросив у московского царя немало льгот, поставили здесь соляные варницы, прокопали рудники, нагнавали рабочего народа и ведут большую торговлю на юг до Бухары и на север до Ледовитого океана. Но в пермяцкой земле еще до Строгановых жили люди: зыряне, башкиры, остяки, разные местные племена, охотничьи и рыбацкие. Строгановы их жмут, давят, отжимают все глубже в леса и тундры.

И вот у Никиты Строганова является дерзкая идея: позвать к себе служить казаков. Два зайца будут убиты разом—разбойники будут подкуплены и против зырян, башкир, си-

бирских племен и народцев будет надежная военная сила.

Артем Веселый с большим искусством и тактом показывает, как реагировали казаки на это неожиданное предложение, как социально-разношерстную ватагу раскалывают противоречия.

«А гулебщики уже ярились крутенько:

— Не красно нам,—мычал Мамыка,—нерадошно к купцам в службы итти. Воля...

— Волк и волен, да песня его не весела.

— Помолчи, высмерток.

— Я и мал, да удал, а у тебя, полудурок, и в бороде одни блохи скачут, ума ни крупинки».

Казаки принимают заманчивое предложение Строганова, сулящее им жизнь сытую, уверенную и пьяную. Вольница поступила на службу к купеческим сундукам. Она отбивает нападения татар, сжигает туземные аулы, приворит в покорность кочующие племена. Но этого мало. Веселый показывает, как рождается, знаменитый впоследствии, «враг внутренний». Завлеченные всякими обманами на строгановские рудники, работники, первые русские пролетарии, поднимают голос возмущения. Веселый дает небольшую, но убедительную картину вероятно одной из самых первых забастовок, какие знала русская история.

Строганов бежит к казакам.

«— Набег?

— Орда?

— Отколь?

— Хуже!—схватился за сердце и пал на лавку хозяин.—Хуже! Именья моего разоренье, смута и душегубство...

Казаки превращаются в жандармов. Они идут усмирять бунтовщиков, от жалобы измученных рабочих Ермак отделяется уверткой механического исполнителя: «з ваш уклад и правез мне дела нет».

После расправы купец вином заливает казакам совесть, но паразитическая жизнь Строгановых охранников не может не разлагать старого казачьего «товариства». Начались ссоры промеж себя, драки, бесчинства, наиболее вольные сердца не выдержали новой роли.

«Будя кровавить руки»—сказал через несколько дней казак Васька Струна и, набрав себе шайку, сбежал на Волгу.

За Васькой поднялся гусак бурлацкий—Трофим Репка.

«Истома злее смерти»—сказал он и, подговорив шайку, по последней воле сбежал на Волгу.

Строгановы снова находят выход. Они отыщут русло для направления казачьей активности, такое русло, чтобы и казаков занять и

самим в убытке не остаться. Хотя здесь, на Урале, богатства еще лежат в лесах и недрах огромными мертвыми кладами, но там, за Большим Камнем, т. е. за Уральским хребтом, лежит богатейший край—Сибирь. Соболя, бобры, «зверя всякого изобилие». К тому же торговлю с Бухарой и Хивой приходится вести кружным морским путем, голый убыток, жалуется Никита Строганов.

Артем Веселый умело дает почувствовать пружину общественного развития—экономические интересы господствующих классов. Не столько боярские интересы, сколь интересы народившегося торгового капитала определяли политику московских царей XVI в., и пока этого Веселым художественно убедителен.

На пиру в честь прибывших казаков Строганов говорит о царе:

«Что ему думные бояре и зазнайки князя. Пыль толоконная! Кнутом он с них шкуры спускает, а которым и головы тяпает... Первые подручники государю мы—купцы, да вы—удалые казаки. Преславный царь, грозные очи...»

«Удалые казаки» пристегнуты Строгановым в порядке льстивой любезности; с казаками у царя разговор шел часто с помощью дыбы и плахи, но вся эта реплика Никиты в общем правильно отражает некоторые основные линии политики Ивана Грозного, которую историки объясняли раньше грозностью царя, его недоверием к боярам, замученными в детстве кошками и прочими, мало объясняющими общественный процесс обстоятельствами.

Артем Веселый в художественных образах дает то представление об историческом развитии, которое так блестяще показал в науке М. Н. Покровский.

Конечно Веселый берет только небольшой исторический участок, да и тот разработан с недостаточной полнотой. Писателя интересовали больше перипетии на ярком пути казацкой вольницы, чем большая художественная картина века. Поэтому, задевая иногда мимоходом большие исторические проблемы, он оставляет их в стороне, не раскрывая, не объясняя. Так, про царя Ивана рассказывает Артем, как он сначала ездил по монастырям, облачившись в смиренные одежды, но «скоро, по слову летописца, возненавидя грады земли своея, скакал царь с опричниками по дорогам русским и в иступлении ума крушил города, жег деревни, побивал и топил множество народа и неугодных вельмож».

В чем дело? Что за поворот? Читатель остается в полном недоумении.

Ермак со своей дружиной отправляется в сибирский поход. Сибирь, ее леса и тундры, на-

селяющие их народцы, самый поход на стругах по рекам и речонкам дан Веселым короткими, но сочными и яркими мазками. Дружинники мерзнут в сибирских снегах, дохнут от голода и болезней, бунтуют.

Ермак подавляет бунт и ведет дальше; отступить-то собственно некуда. Обозленная и отчаявшаяся казачья дружина бросается на неждавшие беды татарские аулы, на вооруженные луками войска сибирского султана Кучума. Казаки берут злостью, буйной атакой, а прежде всего пищалями и пушками, огнестрельным оружием, которое приводит диких сибирцев в мистический ужас.

Одной из больших заслуг Артема Веселого является то, что он первый в нашей литературе показал, с какой зверской жестокостью продвигался торговый капитал, сколько раздавленных жизней, целых народов скрывается под парадным термином историков—«расширение рубежей отечества», какой варварской жестокостью сопровождается «насаждение цивилизации» среди диких народов Востока и Севера.

Артем Веселый не ограничивается трагическими, но кратковременными и единичными эпизодами. Он рассказывает об экономической кабале, в которую попадали туземцы у Строганова, кормившего их сгноенным в ямах хлебушком, снабжавшего рваной, отслужившей свой век одежкой, всякой ерундой. «Все выловленные народами в реках и озерах купцы забирали за долги. Вся добытая птица и пушнина, мед и самоцветы шли в уплату долгов».

Картина колониального экономического и физического истребления становится еще более очевидной в огромных масштабах завоеванной Сибири. Ермак дает инструкцию одному из своих атаманов: «Войнам тем помешки не чини, а сам старайся, где доведется, стравить князька с князьком и мурзу с мурзой: ешь волк волка, а последнего как-нибудь осилим». Недавний рядовой донской казак, попав в завоеватели, действует по классическому правилу, которым донские руководствуются империалистические хищники и в Индии, и в Китае, и в других местах: разделяй, натравливай друг на друга и властвуй!

О режиме, установленном завоевателями Сибири, достаточно говорит следующий абзац:

«Ни в какие работы казаки сами не вступали. Работали на них согнанные из разных мест народы: лес возили, крыли амбары и сушильни, траву косили, навозили пашню, тюрьму строили и тыном обнесли и т. д. Русский наглядчик, покуривая трубку, похаживал меж народов с плетью».

Открытый разбой и непрерывный грабеж превысили всякие границы даже с точки зрения интересов завоевателей. Богатейшая страна быстрым темпом превращалась в пустыню.

«Стада поредели, а то и вовсе рассыпались, огни очагов потухли, жилища заметало снегом. Сильные охотники были побиты или бродили в одиночестве,—сумы болтались пусты, не хватало силы промыслить зверя и птицы,—городки приходили в запустенье».

За 330 с лишним лет владычества над Сибирью российское самодержавие превратило этот богатейший край во всероссийскую каторгу. Сибирские народы вымирали один за другим и постепенно исчезали с этнографической карты мира. Даже колоссальные природные богатства Сибири оставались почти неиспользованными. Российский капитализм-империализм нес с собой смерть и разрушение.

Совершенно очевидно, что Ермак, начавший посланцем купцов Строгановых, продолжал княжить и владеть Сибирью в интересах этих купцов, а впоследствии по прямым директивам московского царя.

Здесь однако не все ясно, далеко не все исторически проверено и разработано. Сам Артем Веселый в выводах к своему второму разнослову, представляющему краткое изложение сибирской летописи, говорит, что есть кое-какие основания думать, что казаки «намеревались завладеть Сибирью сами, как до того они владели Доном, а позднее Запорожьем». Процесс превращения вольного казачества, составлявшегося в значительной массе из беглых от боярских плетей и царской плахи людей, в царских жандармов не прослежен до конца. Но факт тот, что казаки, возбудив в Сибири всеобщую ненависть, не смогли держаться в ней сами. Ярко и убедительно показывает Артем Веселый, как, сохранив еще свою старую ненависть к царю и воеводам, казаки принуждены бить челом царю и гнать в Москву посланцев с подарками.

«Гуляй Волга» еще не кончена. Автор сам отмечает, что последние две главы не доработаны. Но общий характер произведения ясен. Это большое историческое полотно, в котором нет сусального размазывания блестящей издали героики, нет лживой романтики буржуазно-дворянского исторического романа, а есть яркое художественное и исторически правильное представление об основных движущих силах России XVI века.

Артем Веселый не только изучил десятки документов, чтобы извлечь из-под горы случайных фактов и искажений сущность взятого им исторического периода, он как художник

проник в быт далекого века, сумел подобрать ряд таких деталей, которые дают читателю живое ощущение далеких земель и давно ушедшего времени.

Язык Веселого — пожалуй самое замечательное у этого несомненно большого художника. Сочный, крепкий, звонкий, черпающий свои богатства в неисчерпаемом море народной языковой стихии. У Веселого есть десятки страниц, где каждая фраза звучит, как поговорка, как отшлифованная строка стиха.

Веселый в совершенстве владеет художественной деталью.

Про Ермака в соответствующем месте он сообщает, что на нем был «длиннополый, сшитый из черных жеребьячьих шкур армяк с двойными рукавами—одни надеты, другие болтались для красоты». И эти смешные двойные рукава — деталь, одна из тех точек на большом портрете, о которых Толстой говорил, что они превращают уже готовую, но пока мертвую вещь в живое произведение искусства.

Нет конечно ничего легче, как, работая над историческим романом, нацедить из старых книг и разных источников целое корыто своеобразных «историзмов»: словечек, оборотов, бытовых фактов, курьезов и пр. Это еще никак не дает ни произведения исторического, ни художественного. Даже при известной стройности изложения получается только каталог музейных редкостей, преискурант антикварного магазина, словарь забытых слов. Этот материал может быть с пользой употреблен писателем только тогда, когда имеется какая-то обобщающая творческая идея, если имеется большой художественный замысел, составляющий стержень произведения, которому материал подчинен.

Артем Веселый удачно избег мертвой музейности. Он использует «историзмы» с большим чувством меры, вплетая их в самую ткань художественного произведения.

Вот старый казак пытается отделаться от уговоров Ермака вступить в его боевой отряд:

«— Хе-хе, братику, упусти время да ногой в стремя?.. Брюхо есть хотело—ел, брюхо пить хотело—пил, сердце кровей жаждало—кровчлил, а ныне алчет душа моя покою и молитвы...»

Может быть здесь есть известная нарочитая подтянутость языка, кое-какое романтическое заострение («ныне алчет душа»), но на какой подлинно реальной основе, как убедителен и отчетлив этот «видалый» казачина, доживающий век в диких местах Приволжья!

Особенно ярки у Веселого диалоги, разговор массы, толпы, ватаги, когда голоса перекли-

каются один с другим и все вместе сливаются в один красочный поток сочных и звонких слов.

Перед началом нового похода казаки выбирают главного атамана:

«— А коли плыть,—опять приступил Мартьян,—то надобно нам выбирать коренного атамана на камский поход... Кого хотите?

— Ярмака.

— Ярмака на круг...

— Хорошо, сулил за него чорт грош, да спятился.

— Никиту Пана,—умен...

— И умен, да неувертлив, сам себе на пятки навалил...

Гогот подобен залпу...

— Нам хитрого, да погрознее.

— Ивана Кольцо!

— Долой Кольцо! На него надежа, как на старого ежа...

— Запивоха и до баб ходок. В Астрахани кинжал и последние штаны с себя пропил, и нас пропьет.

— Мещеряка в атаманы!

— Не гож, не гож!... Не ходить нам, казакам, под гусаком бурлацким.

— Ярмака!

— Ярмака-а-а!

Мартьян:

— И я мысло—Ярмака. Люб или не люб?

— Люб.

— Гож!

— Люб, люб!»

В «Гуляй Волге» нет тщательной разработки отдельных героев, типов. Даже Ермак дан без всякого углубления в психологию, без специальной внешней обрисовки и без попытки заглянуть во внутренний мир. Артем Веселый вообще предпочитает давать массу, выявляя не через частное общее, а частное через общее. Иногда поэтому получается некоторое обезличивание, такая однотонность массы, которая сделала бы более слабого писателя безнадежно скучным и схематичным. Но даже единая масса Артема Веселого, данная без детальной вырисовки, так буйно жива, даже одноцветная краска так ярка и густа, что читатель получает живое цельное художественное впечатление.

Очень интересно проследить, как Артем Веселый совершенствует свой язык и творческий метод, как он постепенно отказывается от языковой вычурности и орнаментальной игры, как в массе начинают отчетливее выявляться отдельные люди, как становится стройнее разви-

тие сюжета. Но все это выходит за пределы данной статьи.

Важно отметить, что совершенствование творческого метода, художественной формы Артема Веселого находится в прямой и непосредственной связи с ростом идейности его творчества, с укреплением большевистского мировоззрения.

За 10 лет Артем Веселый прошел довольно большой и значительный путь. Он начал певцом партизанской стихии, увлеченный ее мощью, красотой размаха, подчас становясь рабом своего материала и, забывая об объективном смысле того или иного партизанского эпизода. «Россия, кровью умытая», вышедшая недавно в издательстве «Федерация», свидетельствует об упорной работе, которую ведет Веселый, совершенствуя каждую страницу и овладевая своим материалом, по которому он плыл раньше—часто без руля, без обобщающей идеи.

Анализ «Гуляй Волги» говорит о том же. Но нужно отчетливо сказать, что этот роман несет еще на себе глубокие следы Веселого «Рек огненных» и первых вариантов «Страны родной».

Прежде всего—самый выбор темы. В «Гуляй Волге» автора интересует в первую очередь удалой разгул, быт и борьба полупартизанского казачества. Характерен уже эпиграф романа—«отвага мед пьет и кандалы трет». Гимн отваге, иногда даже вне зависимости от того куда и против кого она направлена.

Если бы, взяв тот же самый исторический период, Артем Веселый так пропорционально переместил бы свое внимание, что в центре оказались бы российские мужики, их жизнь, быт, борьба против воевод и царских палачей, бегство к казакам, если бы глубже и основательнее были даны Москва, новые классовые тенденции в московском царстве (бояре и нарождающееся купечество), то роман имел бы несомненно еще большее социальное значение.

Некоторые стиливые перехлесты, которые имеются в «Гуляй Волге»,—те же следы партизанской идеологии, отваги, которая мед пьет. Эта бесшабашная удаль временами до того переливает за всяческие берега, что даже природа принимает буйный казачий облик.

«Гремит и блещет Волга, с ветра пьяна. Летит Волга, раскинув пенистые крылья... Волна громит, качает берега, волнуются, кипят кусты,—да э-эх да! стонут синие леса...»

Но мы уже видели, в какой степени эти тенденции являются только следами прошлого и никак не преобладающими в настоящем.